

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

МИФ О РАЗРЫВЕ: А.Н. ЛЕОНТЬЕВ И Л.С. ВЫГОТСКИЙ В 1932 ГОДУ

© 2003 г. А. А. Леонтьев*, Д. А. Леонтьев**

*Академик Российской академии образования, доктор филол. и психол. наук, Москва

**Доктор психол. наук, профессор психологического ф-та МГУ, Москва

Одним из наиболее драматичных и загадочных событий в истории отечественной психологии можно считать то, что в начале 1930-х гг. А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский расстались. Алексей Николаевич на несколько лет уехал в Харьков, где вместе с молодыми психологами образовал так называемую “Харьковскую группу”. Их исследования заложили теоретические и экспериментальные основы деятельностного подхода в психологии, связываемого прежде всего с именем А.Н. Леонтьева.

Сам факт этого отъезда ставит по меньшей мере два вопроса, которые активно дискутируются в историко-научной и мемуарной литературе. Первый вопрос – исторический – о причинах и корнях этого расставания, о том, сопровождалось ли оно разрывом или конфликтом. Имеющиеся свидетельства противоречивы и мифологичны. Сам А.Н. Леонтьев, отличавшийся сдержанностью, вообще никогда не упоминал ни о каких расхождениях. Не упоминает ни о чем подобном в своих мемуарах и А.Р. Лурия, а также его дочь Елена, книга которой в силу исторических обстоятельств гораздо более подробна и откровенна, чем полуофициальная автобиография самого Александра Романовича¹. Наиболее существенный из имеющих широкое хождение мифов гласит, что “харьковчане” начисто отказались от теоретического наследия Выготского, резко противопоставив свои взгляды “культурно-исторической” теории, и что в начале 1930-х гг. возникло научное и человеческое противостояние Выготского и Харьковской группы во главе с Леонтьевым. В свете этого мифа его отъезд эмоционально трактуется как предательство. Мы говорим о мифе, потому что нет ни одного свидетельства каких-либо явно или скрыто враждебных, либо конкурентных проявлений одного или другого в адрес друг друга.

В частности, в этом мифологическом духе история взаимоотношений Льва Семеновича и Алексея Николаевича изложена в книге Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой о Выготском. Со слов

жены Выготского Р.Н. Смеховой Гита Львовна рассказывает, что якобы в конце 1933 или в самом начале 1934 года Алексей Николаевич написал из Харькова письмо Лурии, “в котором было что-то вроде того, что Выготский – это пройденный этап, вчерашний день психологии, и предлагал Александру Романовичу сотрудничать без Выготского. Александр Романович сначала согласился, но потом, видимо, передумал, пришел к отцу (он в это время был нездоров) и показал ему это письмо. Отец написал Леонтьеву резкое письмо. Он очень тяжело переживал случившееся, рассматривая это не только, а быть может и не столько как личное предательство, сколько как измену общему делу... Мне думается, что это переживание усугублялось тем, что это было сделано не с открытым забралом, а за его спиной... Не знаю, виделись ли отец и А.Н. Леонтьев после этого, но знаю, что отношения у них не восстановились...”².

Рассказ этот невероятен по нескольким причинам. Во-первых, характер отношений между Выготским и его учениками, ясный хотя бы из приведенной ниже переписки Леонтьева с Выготским, делал невозможным поступки вроде приписанного здесь Леонтьеву – пафос письма Алексея Николаевича как раз в неоднократно повторяемом желании поговорить напрямую, раскрыть карты, каким бы болезненным ни был этот разговор. Далее, совершенно невозможно, чтобы приглашение Леонтьева работать без Выготского было адресовано именно Лурии: в цитированном выше письме Алексей Николаевич очень резко критикует Александра Романовича именно в плане отношений последнего к “культурной психологии” (как видно из письма Выготского, эту оценку отчасти разделял и он). И наконец, эта версия, мягко говоря, не подтверждается не только публикуемыми ниже письмами, в том числе самого Выготского, но и дальнейшим развитием фактических событий, в которых участвовали все трое: Выготский, Леонтьев и Лурия.

¹ Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982; Лурия Е. Мой отец А.Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.

² Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский: жизнь, деятельность, штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996, С. 316–317.

Второй связанный с этим вопрос чисто теоретический – до сих пор нет единства в оценке степени преэминентности теорий Выготского и Леонтьева. Теоретические основы концепции деятельности, или деятельностного подхода, А.Н. Леонтьева, основанные прежде всего на работах, выполненных в Харькове, были сформулированы в первом варианте к концу 1930-х гг., когда Выготского уже не было в живых, так что его мнение было узнать уже невозможно. Мнение самого Леонтьева, как и Лурия, было однозначным: деятельностный подход – это не новая теория, а естественное развитие идей Выготского; оба до конца жизни считали Выготского зачинателем и лидером того научного направления, к которому они себя относили. Тем не менее, стремление “вычистить” из культурно-исторической теории деятельностный подход, получив “в остатке” “истинного” Выготского, достаточно регулярно встречается в современных публикациях.

Следует сказать, что этот вопрос упирается в критерии, по которым мы судим о том, есть ли преэминентность между двумя витками теоретической мысли. В истории науки нередко бывает так, что теоретические взгляды, развиваемые даже одним ученым в разные периоды жизни, настолько различаются, что, не зная о принадлежности их одному человеку, можно усмотреть в них полную несовместимость. И наоборот: при пристальном анализе можно найти общее даже у авторов из разных идейно-концептуальных лагерей. Во всяком случае, бесспорным всегда было одно: введя много новых теоретических идей, принципов и понятий в процессе развития своих взглядов, изменив многие акценты, А.Н. Леонтьев не отбросил и не оспорил ничего из теоретических взглядов своего учителя. Возможно и даже бесспорно, что идеи Выготского можно было развивать и в других направлениях, отличных от деятельностного, однако никто этого не смог сделать в масштабах, сколько-нибудь сопоставимых с деятельностным подходом, поэтому вопрос о том, “правильно” ли Леонтьев воспринял и развивал идеи Выготского, не имеет смысла. Он их воспринял и развивал, а кто считает, что развивать их следовало иначе, пусть сделает это.

Однако почти все точки над *i* теперь могут быть поставлены благодаря нашедшемуся в архиве А.Р. Лурия письму Леонтьева Выготскому, которое полностью публикуется ниже. Это длинное письмо написано в ночь перед окончательным отъездом Леонтьева в Харьков. Было известно, что такое письмо существовало, но оно считалось пропавшим, поэтому трудно выразить всю степень нашей благодарности Е.Г. Радковской, наследнице и хранительнице архива А.Р. Лурия, нашедшей это письмо и передавшей его нам. Это произошло ровно через семьдесят лет после его написания – пятого февраля 2002 г., в день рожде-

ния Алексея Николаевича. В свой 29-й день рождения он и писал это письмо.

Сначала обрисую историко-научный фон его написания. Конец 20-х и начало 30-х гг. XX в. были ознаменованы негативным поворотом в науке, культуре и образовании в целом. Начинали “завинчивать” идеологические гайки. В гуманитарных науках это выразилось, в частности, в том, что появились ученые и научные направления, объявленные единственно марксистскими (Марр в языкознании, Покровский в истории, Фриче в литературоведении, Маца в искусствоведении), а прочие (в их числе великие лингвисты Щерба и Поливанов, замечательные литературоведы Эйхенбаум, Жирмунский и Шкловский и многие, многие другие) подверглись уничтожающей критике, а порой и репрессиям. В образовании прекратила свое существование “единая трудовая школа”, созданная усилиями Крупской и Луначарского на концептуальной базе, разработанной Блонским и Выготским. Появилась череда постановлений ЦК ВКП/б/, возвращавших советскую школу к “идеалу” дореволюционной гимназии. В психологии состоялась “реактологическая” дискуссия, в результате которой К.Н. Корнилов в 1931 г. потерял пост директора; подверглись ожесточенному идеологическому разному бехтеревская рефлексология, психотехника (все ее лидеры в дальнейшем были репрессированы), “бихевиоризм” Боровского, наконец, культурно-историческая школа Выготского. Но главный “поворот” был совершен в философии. До 1930 г. в борьбе с вульгарным материализмом побеждал материализм диалектический, который представляла так называемая “группа Деборина”, стоявшая у руля философских исследований в СССР (А.М. Деборин был директором Института философии). Но в декабре того же года И.В. Сталин лично выступил на партактиве Института красной профессуры, навесив на деборинцев знаменитый ярлык “меньшевиствующие идеалисты”. Через месяц последовало разгромное постановление ЦК «О журнале “Под знаменем марксизма”». К власти пришли философские недоучки и прямые вульгаризаторы (не стеснявшиеся брать аргументы у раскритикованных ими же механических материалистов), возглавляемые будущими академиками М.Б. Митиным и П.Ф. Юдиным. Деборинцы были уничтожены и физически (Б.Н. Гессен, Я.Э. Стэн), и морально (сам А.М. Деборин). Выготский же по своим философским воззрениям был близок к деборинцам и охотно ссылаясь на них в своих публикациях. К тому же в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стали одно за другим закрываться, порой с политическим скандалом, научные и педагогические учреждения, где сотрудничали и Выготский, и Леонтьев. Например, сразу в двух центральных газетах появился “подвал” о ВГИКе под угрожающим названием “Гнездо идеалистов

и троцкистов". Оплот группы Выготского – Академия коммунистического воспитания – в 1930 г. тоже попала в немилость, а в 1931 г. ее "сослали" в Ленинград и переименовали в институт. Во всяком случае, Леонтьев был уволен из нее 1 сентября 1931 г. О работе в Психологическом институте нечего было и думать, хотя после ухода Корнилова идеи Выготского и его школы были использованы в новой научной программе института (о чем, в частности, идет речь в публикуемом письме А.Н. Леонтьева). К вышедшей в предыдущем году книге Леонтьева "Развитие памяти" он приложил покаянное дополнение с идейной самокритикой.

Все трое – Выготский, Лурия и Леонтьев – стали искать такое место работы, где можно было бы продолжить начатый цикл исследований. Им повезло: всем трем пришло приглашение из Харькова, бывшего тогда столицей Украинской ССР, от наркома здравоохранения С.И. Канторовича. Наркомздрав УССР решил создать в Украинском психоневрологическом институте (позже, в 1932 г., его преобразовали во Всеукраинскую психоневрологическую академию) сектор психологии ("психоневрологический сектор"). Пост заведующего сектором был предложен Лурия, а заведующего отделом экспериментальной психологии (позже он назывался отделом общей и генетической психологии) – Леонтьеву. Официально Алексей Николаевич был зачислен на работу с 15 октября 1931 г. В ноябре 1931 г. в должности заведующего кафедрой генетической психологии государственного института подготовки кадров Наркомздрава УССР был утвержден Выготский³, но, в отличие от Лурия и Леонтьева, он в Харьков не переехал, хотя постоянно там бывал – выступал с докладами, читал лекции, сдавал экзамены в качестве студента-заочника мединститута (куда он поступил в том же 1931 г.). Впрочем, в его семье переезд в Харьков не раз обсуждался, и даже стоял вопрос об обмене московской квартиры на квартиру в Харькове⁴. Почему переезд не состоялся – осталось неизвестным. По мнению Е.А. Лурия, дело было в том, что у Выготского (и Лурия) не сложились отношения с руководством Психоневрологической академии⁵. А.Н. Леонтьев рассказывал, однако, что Выготскому были предложены прекрасные условия переезда, и мотивы его отказа от приглашения остались для него непонятными.

Как бы то ни было, к февралю 1932 г. в той или иной форме все трое связали свою деятельность с Харьковом и курсировали между двумя городами. Однако только Леонтьев (хотя и Вы-

готский, и Лурия также об этом думали) решился переехать в Харьков, перенесся туда средоточие своих исследований. Возможно, это было связано с разной жизненной ситуацией всех троих. Выготскому – 35 лет, его идеи уже получили профессиональное признание. Вышел ряд его книг: "Педагогическая психология", "Педология подростка", "Этюды по истории поведения" (совместно с А.Р. Лурия). Он болен туберкулезом, предвидит, что ему недолго осталось, и работает, помимо всего прочего, над "Мышлением и речью". Леонтьеву в день написания письма исполнилось 29. Два-три последних года прошли для него полностью под знаком культурно-исторической теории Выготского, и его недавно вышедшая книга "Развитие памяти", в которой он вывел свой известный "параллелограмм развития" – закон замещения внешнего опосредствования психических функций внутренним в процессе их развития – представляет собой наиболее серьезное экспериментальное подтверждение культурно-исторической теории. Цикл исследований завершен, книга вышла, надо решать, что делать дальше... Об остальном говорит само письмо на десяти больших страницах в ночь перед отъездом.

Оно представляет собой удивительнейший не просто исторический, но экзистенциальный документ. Даже читатель, далекий от психологии и не знающий ничего о перипетиях ее истории в нашей стране, пропуская непонятные места, был бы увлечен им как рассказом о сильном, незаурядном человеке в момент тяжелого, критического выбора, определяющего дальнейшую судьбу не только его самого, но и дела, с которым он слился и которое стало смыслом его жизни. Этот выбор делается им с полным осознанием, в условиях глобальной неопределенности и с принятием на себя полной ответственности. Жребий брошен, Рубикон перейден – в этом смысл письма. По меньшей мере три слоя можно выделить в письме – личность в момент экзистенциального выбора, межличностные отношения и развитие идей, – и читать его на трех разных уровнях.

Леонтьев свое письмо начинает с того, что выбор сделан: взят билет, дана телеграмма. Завтра он разрубает узел, который не развязывается. Письмо написано твердым почерком, с характерным для него обилием выделений – не только подчеркиваний, иногда двойных (в публикации переданы полужирным курсивом), но и наклонов слов – рукописной имитацией курсива. Это письмо написано не импульсивно, оно хорошо продумано и выстрадано. Леонтьев констатирует: наше общее дело в кризисе. Выготский, как явствует из письма, не хочет идти на большой разговор. Леонтьев не спешит упрекать его: в конце письма он прямо допускает возможность того, что Выготский прав, подталкивая определенное развитие ситуации. Он принимает это как факт, с которым

³ Выгодская, Лифанова, цит. по [2, с. 128–129].

⁴ Лурия Е., цит. по [1, с. 73].

⁵ Там же.

5.2.32

Москва

Дорогой Лев Семенович,
завтра 3, завтра в 8-6, у меня будет билет, чаша телеграмма — завтра
последний срок для моего «самоопределения» в этот сложный и мучительный
период существования которого свидетелем уже и ты.

Огромное количество вопросов решающих, жизненно важных и
безмерных трудностей должно быть разрешено завтра. Мне ясно:
если удачи не будет, то в крайних случаях их
разрушат. Сейчас именно такой крайний случай. И поэтому
я буду разрушать их.

Факты упрямые; это не знают, что мы не хотим сопротивляться,
мы хотим — мы хотим только сделать и если возможно. На
сегодняшний день мой факт — факт моего фактически
отказавшегося. Как было разрыв не состоялся и я не могу
принять это как «младенца» факт — он говорит о том.
Я не хочу и не могу разорвать и строить предположения — не
берусь раскрывать его. Я только считаю с ним.

Я это знаю, что я вынужден действовать так, как если бы
этого разрыва был было невозможно. Первый шаг и первый
шаг — это именно. Прежде чем я хочу «отказаться» (иногда
это слово — не время — обдумывать варианты!) но именно
к тебе, затем направи мой разрыв — мой. Пуск мои именно, т.е. самыми не обдуманными
отказами...

Фрагмент оригинала письма А.Н. Леонтьева
Л.С. Выготскому, датированного 5 февраля 1932 г.

надо считаться, при выборе своего решения. Во-
обще одна из самых интересных особенностей
этого документа как личностного поступка — чет-
кое различие Леонтьевым того, что он может
сделать сам, и того, что от него не зависит, жела-

емого и действительного. Он понимает неумоли-
мую логику жизни и, вступая в борьбу за свои
ценности и дело, готовится к худшему. Он гово-
рит о возможности того, что ему придется уйти из
психологии, явно не желая этого, как и о возмож-

но неизбежной, но явно нежелательной для него перспективе разрыва с А.Р. Лурия (в письме видно, какую боль вызывает у него разговор об этом), которого он упрекает в письме в ряде ошибок, но упрекает как своего. Мы знаем, что, к счастью, ни того, ни другого не произошло: Леонтьеву не пришлось уйти из психологии, и его отношения теснейшей дружбы с Александром Романовичем Лурия выдержали это испытание на прочность.

Леонтьев принимает на себя груз ответственности за все направление в целом, и в тексте письма явственно ощущается та тяжесть, которая лежит на его плечах. Его беспокоит, что по мере распространения идей культурной, или инструментальной, как она называлась раньше, психологии Выготского она размывается, выхолащивается; сам Выготский не препятствует этому, а увлекающийся, склонный к эклектике Лурия даже вносит в это некоторый вклад. Леонтьев отнюдь не противопоставляет себя Выготскому, и в письме нет ни единого слова, намекающего на какую-то альтернативу; наоборот, он цитирует Выготскому его же письма трехлетней давности, упрекая в отходе от собственных принципов. Леонтьев – с Выготским 1929 года против Выготского 1932-го; он оказывается в этом письме большим приверженцем Выготского, чем сам Выготский, (*plus royal que le roi*⁶), упрекая его в непоследовательности. Напротив, он подозревает, что это у Выготского созрело решение разойтись. “Мы” звучит в этом письме с первых строк до последних, объединяя, кроме Выготского, Леонтьева и Лурия, также ядро будущей Харьковской группы – упомянутых в письме А.В. Запорожца, Л.И. Божович и Н.Г. Морозову. Леонтьев пишет о них не только с любовью (“чудесная, преданная и сейчас выдержавшая экзамен на четкость и стойкость группа”), но и с чувством зрелой ответственности (“Они – обязывают. Нельзя, чтобы мы не выдержали экзамена”). Он зовет Выготского, подчеркивая несколько раз, что не предъявляет к нему никаких претензий, не знает, как ему работать одному, без него, но чувствует, что поступает правильно – с точки зрения не узколичных, а именно общих, объединяющих всех троих смыслов и ценностей. И личные отношения, пишет Леонтьев, опять же ссылаясь на письмо к нему Выготского трехлетней давности, вторичны – они сами разрешаются с прояснением основной проблемы, идейной.

В письме образуют отдельный блок и представляют отдельный интерес теоретические и методологические соображения Леонтьева о культурной психологии. Большую часть из них занимают характерные для Леонтьева и в последующем ак-

центы на философско-методологические основы теории. Из числа конкретных прежде всего появляется проблема психического–психологического, которая через несколько лет станет предметом его докторской диссертации. Затем проблема функциональных систем и межфункциональных связей – ставшая одной из центральных для всей школы в сороковые–шестидесятые годы XX столетия. Ключевая роль знака. Наконец, проблема личности как субъекта развития, то есть “проблема активного психологического развития, проблема психологической культуры личности (свободы!) и отсюда ближайшие этические проблемы”. Такая постановка вопроса звучит свежо и сегодня. Но данные проблемы вскоре вошли в нашей стране в “черный список”, и только в записных книжках и в отдельных фразах, прорвавшихся в публикациях самых последних лет жизни, мы встречаем волнующую Леонтьева проблему личности не как объекта формирующих воздействий, но как активного, свободного и ответственного субъекта собственного развития, личности, которой он сам предстает в этом письме.

Завершается письмо опять на экзистенциальном уровне. Страх перед будущим, приговор, обреченность на одиночество, чувство нового экзамена, который придется держать в Харькове. И чувство облегчения в последних строках – несмотря на тяжесть, он счастлив, что написал это письмо, и свободен, потому что сделал то, что мог, и то, что должен был сделать. На завтра – прыжок в неизвестность. Потому что судьба культурной психологии – превыше всего.

5.2.32 г.

Москва

Дорогой Лев Семёнович,

Завтра я уезжаю в Х[арько]в, у меня взят билет, дана телеграмма – завтра последний срок для моего “самоопределения” в той сложной и мучительно тяжёлой ситуации, которая сложилась *здесь и там*.

Огромное количество вопросов решающей, *жизненной* важности и безмерной трудности должно быть разрешено завтра. Мне ясно: если узлы не развязываются, то в *крайних случаях* их разрубает. Сейчас именно такой *крайний случай*. И поэтому-то я буду разрубать их.

Факты упрямы; это не значит, что им не нужно сопротивляться, мне кажется – их нужно только смелее и яснее принимать. На сегодня центральный для меня факт – факт моего *фактического* одиночества. Наш *большой* разговор не состоялся, и я не могу принять это как “молчаливый” факт – он говорит очень много. Я не хочу и не могу гадать и строить предположения – не берусь расшифровывать его. Я только *считаюсь с ним*.

А это значит, что я вынужден действовать так, как если бы этот разговор был *вовсе невозможен*. Первый вывод и первый шаг – это письмо. Прежде всего я хочу “определиться” (прости это глупое слово – нет времени обдумывать выражения!) по отношению к тебе, *заклЮчить* начатый *мною* разговор – монологом. Пусть монологом именно, т.е. словами, *не обязывающими ответом*.

Ты сам понимаешь, что сейчас мы как группа связанных идейно людей переживаем огромный кризис. Такие кризи-

⁶ Большим роялистом, чем сам король (фр. пословица).

сы, такие внутренние конфликты не решаются просто и безболезненно. Чаще всего они решаются выстрелом.

Внешние обстоятельства, огромное давление их на всех нас, непрерывная ситуация "102-104" [?], обливание, идущее из всех углов, *ножницы между движением мысли и организацией, внешней стороной работы*, отставание конкретной работы и вместе с тем экспансия (ошибка некоторых из нас = А.Р. [Лурия]!) идей – всё это нашу работу как работу общую смяло, подорвало, разбило. Сама система идей в *огромной* опасности (сейчас передо мной документ – *типовая разрабатываемая в тезисах СССРовского масштаба программа по психологии бригадой в составе Вед[ёнова], Шварца, Акимова, Сапира⁷ etc* – по проекту А.Р. [Лурия]). И[нститу]т⁸ работает (старается работать) по *нашим* планам. Это – *отчуждение* наших идей. Это начало полного падения, расставания системы.

И поэтому я считаю своим долгом кричать об этом, бить тревогу. Я поставил вопрос об этом перед тобой не случайно, я долго колебался. Мне думается, что поступил правильно; вот что ты писал мне сам два года назад (я сохранил некоторые, дорогие мне, твои письма и сейчас, в решающую минуту перечитал их): "Итак, строжайший монастырский режим мысли; идейное отшельничество, если будет нужно. Того же требовать от других. Разъяснить, что заниматься культурной психологией – не шутки шутить, не между делом или в ряду других дел, не почва для собственных домислов каждого нового человека. А внешне отсюда тот же режим организационный... *Твёрдо надеюсь на твою инициативу и роль в оберегании этого*" (1929)".

Я не забыл этой последней фразы – и бью тревогу.

Я не в истерике – я не думаю, что нам нужно разойтись, что тебе нужно остаться без нас, одному (твое м[ожет] б[ыть] стихийное решение, да?). Нужно идти с *борьбой* дальше! Нужно.

У нас есть чудесная, преданная и сейчас *выдержавшая экзамен* на чёткость и стойкость группа из 3-4 человек наверное (А.В. [Запорожец], Л.И. [Божович], Н.Г. [Морозова]..., может быть остальные. Они – обязывают). *Нельзя чтобы мы не выдержали экзамена!*

Где пути, как идти дальше, каким путём?

На это могу ответить только словами Ибсеновского Бранта:

– "Любим, лишь прямо к цели!...
Чем круче путь, тем
Он прямей, короче"⁹.

Я зову тебя; это не может показаться тебе нелепым: я зову *тебя!* Это последнее, что я могу сделать в плане нашей *общей работы*. Решай: я готов принять твой отказ – пусть наши пути разойдутся, *пути внешние*, ибо я не верю в возможность *идейных* расхождений. Я хочу, чтобы ты понял главное: я не предъявляю никаких векселей, я ни к чему тебя не обязываю, ни о чём не прошу: я говорю только то, что считаю себя *обязанным* сказать, обязанным прежде всего перед самим собой!

Без тебя я попробую найти свой путь, может быть он будет лежать *вне* психологии... Ведь у меня может не хватить сил работать одному, без тебя так, как это нужно, а *компенсироваться отсебятиной и халтурой я не хочу*. Может быть я смогу найти способ применить свои *главные* качества: решимость, смелость, твёрдость... Последнее, что я могу отдать этому, "нашему". Как? – не знаю.

⁷ А.В. Ведёнов, Л.М. Шварц, И.Д. Сапир – сотрудники Института психологии, педологии и психотехники в 1930-е гг.
⁸ Психологический Институт, называвшийся в 1932 г. Институт психологии, педологии и психотехники.

⁹ В переводе А.В. Коваленского: "Равны пути: / Все могут к цели привести /...Всего короче – путь крутой" (Ибсен Г. Бранд // М.: Искусство, 1956, Собр. соч.: в 4-х тт. Т. 2. С. 347).

"Есть своя выгода, писал ты мне, чтобы И[нструментальная] П[сихология] попала в разряд *невыгодных* занятий. В частности не могу выразить достаточно сильно, как я высоко ставлю (в этическом отношении тоже) мысль о максимальной чистоте и строгости идеи. Это – наша основная задача – против смещения и "обживания".

Как я жалею теперь, что не случилось так!

Судьба великого шлифовальщика¹⁰ – ее величие, умноженное на сознание *не* одиночества, на сознание поддержки, понимания пусть 2-3 человек, но *живых людей!* То, что *превращает химеру в реальность!* – Помнишь эту свою мысль?

О наших *личных* отношениях. И здесь не могу не цитировать тебя же – прими эту последнюю (обещаю!) цитату:

"Я в одном поддерживаю тебя до конца и вижу в этом спасение: *maximum*¹¹ организационной чёткости и выдержки – это залог *и* внутренней чистоты исследования, а это *suprema lex*¹² *и чистоты личных отношений*". Итак: личные отношения разрешаются вместе с решением основной проблемы. Они автоматически восстанавливаются с восстановлением идейных связей. Это верная мысль. И её я тоже *действительно* понял.

Теперь два последних вопроса: моё отношение к А.Р. [Лурия] и моё отношение к работе.

О первом кратко:

Ценой *любой* болезненности, *любой* жёсткости нужно раскрыть карты. Я раскрываю свои:

J'accuse:¹³

Основное только – 1) не понимание пути, перспективы, не понимание того, что К[ультурная] П[сихология] – система *И философская*, т.е. она не может быть *приспосабливаема* к той или иной системе фил[ософских] догм. Её философия *не механически* прибавляется к ней! Отсюда уйма ошибок: "друзья" из руков[одства?], попытки примирить "внешнее" и "внутреннее", эклектизм, *формальное употребление понятий* К[ультурной] П[сихологии] ("отпирают" замки проблем не понятия *in abstracto*)¹⁴, а *исследование* в системе данных понятий!, мысли типа "Здоровое зерно К[ультурной] П[сихологии] – социогенез, остальное от "накручиваний" от интеллигентщины" etc.

2) Неверное отношение к идеалист[ическим] системам.

3) *Антрепренёрство*, неверное отношение к пятёрке, которое чуть-чуть не раскололо её (но *не* раскололо!), не нарушило редких, *драгоценных* личных их отношений.

4) Не верное отношение к самой К[ультурной] П[сихологии]. *Недооценка её* (как бы парадоксально это не звучало!), т.е. может быть и *сверх* оценка, но *утилитарная*, спекуляторская, грубо говоря!

Это всё я страшно примитивно и страшно резко говорю, но нет времени развивать и не хочу смазать, – лучше перегнуть в эту сторону. Ты, конечно, сам внесёшь поправки, сам дополнишь и поймёшь правильно.

Последнее: что я сам думаю о К[ультурной] П[сихологии].

Тоже страшно кратко:

1. Эксплуатация положений К[ультурной] П[сихологии] (применение их к конкретным задачам) сейчас *вне* главной задачи их дальнейшей собственной разработки – невозмож-

¹⁰ Очевидно, имеется в виду Б. Спиноза, основной профессией которого была шлифовка стекол, и судьба и идеи которого служили для Л.С. Выготского во многом образцом (см. ниже письмо Выготского).

¹¹ Максимум (лат.).

¹² Высший закон (лат.).

¹³ Я обвиняю (фр.). Название знаменитого памфлета Э. Золя, написанного в связи с нашумевшим сфабрикованным "делом Дрейфуса".

¹⁴ Абстрактно (лат.).

на. Она нарушает логику исследования и ведёт к уплощению основных её понятий.

2. Логика развития системы К[ультурной] П[сихологии] приводит сегодня к необходимости поставить в центре своего внимания задачу философского осмысливания её основных понятий и положений (дивергенция между фактическим содержанием исследований и степенью разработанности их философск[ой] основы, мировоззрения, лежащего в их основе. "Пиктограммщина").

3. Эта задача (ещё раз об этом в этом плане!) не может быть решена ценой приспособления К[ультурной] П[сихологии] к "стандарту", иначе говоря она не может быть механически вдвинута в тот или иной философский контекст. — Она сама есть система философская (психологическая философия! — мировоззрение!).

4. Сейчас необходимо ясно поставить "контрольные" и вместе с тем принципиальные вопросы вроде: места труда (ликвидировать пошлость "трудовизма"¹⁵), а следовательно и проблема опосредствования развития (я думаю: культурное развитие!); проблема специфических, своих, имманентных психологическому развитию законов. Может быть даже — понятие психического-психологического, принципиальные пути к изучению психического, т.е. как принципиально это возможно (может быть, здесь физика — маяком!). Главное: личность, как субъект психологического развития, то есть проблема активно психологического развития, пробл[ема] псих[ологической] культуры личности (свободы!) и отсюда ближайшие этические проблемы.

5. Кроме этих необходимо решать, разрабатывать теоретические вопросы, непосредственно ведущие конкретные исследования.

Мне кажется в их числе: а) Проблема Ф[ункциональных] С[истем]: 1) "возможные" (т.е. как бы квантовые) м[еж]ф[ункциональные] связи и "возможные" функции функций (ведь сист[ема] это — не салат "весна", а нечто предполагающее лишь *возможные*, т.е. *определённые* комбинации). б) Детерминация м[еж]ф[ункциональных] связей (условия, при которых они возникают, процесс их рождения, факторы (=детерминанты); здесь эксперимент необходим по искусственному построению их, т.е. необходим "динамический аргумент", эксперимент типа "вращивания"). Здесь необходимо продумать место, роль знака; моё убеждение, вернее интуиция здесь — ключ в знаке! Примерно, в схеме: первые операции с количествами — в восприятии, дальше ф[ункциональная] сист[ема] восприятия, интелл[ектуальная] операция. Что превратило *воспр[иятие] количеств* — эту простую операцию в высшую интелл[ектуальную] функцию? Включение своеобразного знака — *понятие* числа, т.е. знака, средства интелл[екта] (мышление!) Если это *понятие* именно и включаются в сист[ему] понятийного мышления. Это всё очень грубо и пример случайно *не* удачный (кажется; — нет времени думать!). с) Проблема "интеллект — воля", т.е. проблема (разгадка проблемы!) *интенции* (это уже дано!) и д) Личность как сист[ема] в конкретных проблемах, т.е. как *формируется*.

6. Эти теоретические вопросы не совпадают с принципиальными общими проблемами (не отождествлены), хотя и не нейтральны друг к другу. Они связаны в *систему*, т.е. органически, но (главное!) не переходят друг в друга "проективно" (проективная геометрия).

Отношение же этих вторых теоретических проблем к исследованию именно *проективное* (т.е. отношение перехода одних в другие проективным преобразованием — проекцией на разные плоскости тех же данных).

Это тоже я выразил очень неясно, главная мысль здесь — не растворить одно в другом. Необходимо: выделить фило-

софские проблемы, как таковые они не решаются экспериментально, исследование даёт лишь их *непрямую* проверку и разработку. Далее: конкретные теоретические положения, регулятивные, ведущие конкретные исследования должны прямо проэцироваться в исслед[ования]. Здесь — слияние, но чем оно больше (оно необходимо!), тем более чёткой должна быть их вычленённость в *формулировке* проблемы. Т.е. во всяком исследовании должно быть ясно, *какую* теоретическую проблему оно решает, что даёт К[ультурной] П[сихологии].

Кажется, это — главное по последнему вопросу.

Всё это я пишу, чтобы тебе было возможно более ясным (ограничивает объём письма!) моё отношение к основному.

Итак, опять возвращаюсь к самому себе.

Страшно подумать о будущем. Чувство одиночества — огромная тяжесть. Наш несостоявшийся разговор — твоё не участие (может быть ты прав!) — приговор, решение, безмолвно выраженное. Всё больше и больше кажется, что нужно будет уйти из психологии. С А.Р. [Лурия] вдвоём мне нельзя. Один не справлюсь (не хватит подготовки, школы, etc), по крайней мере если не найду *исключительного* выхода. До весны — мучительное пребывание в Х[арькове]. Мучительное, потому что ты *должен* это понять! Тянуть так, как всё шло последнее время (внутренне, идейно), я больше *решиительно* не могу.

Неужели ты прав, неужели сейчас спасение в твоём одиночестве (в смысле ликвидации нашей общей работы как *общей*)?

Я помню твоё гордое "*hier stehe ich*"¹⁶, значит не случайно это, значит то, во что так трудно верить, — необходимость?

С тобой мне казалось ещё можно *всё* выправить, наладить с А.Р., поднять настроение, что-то отрубая, что-то болезненно ликвидируя (может быть разрыв с А.Р. — как трудно это даже писать!), найти *новые* возможности. Словом, *выдержать экзамен*.

Последнее трудное: мы все будем встречаться (возможно) в работе вместе. Неужели *по-прежнему*, но *по-новому*? Значит нужно перестроить всё с Леб[единским]¹⁷, ибо мой расчёт здесь был на работу под прикрытием (чёткость, разграниченность это — я уверен почти — сделали бы возможным).

Итак мой монолог неожиданно длинный (в своё оправдание могу сослаться только на известное "не было времени написать короче") приходит к концу. Если говорить прямо — я счастлив, что написал это письмо. Я сделал всё, что мог здесь. Я не прошу тебя ответить мне. Я — свободен в известном смысле; я не удался всё, что мог, всё выяснил *о себе* с тобой. Надеюсь что мне удастся это и с А[лександром] Р[омановичем].

Мне не нужно говорить тебе о том, что меньше всего у меня может остаться хоть какая-нибудь доля претензии к тебе.

Твой А. Леонтьев

Нам неизвестно, ответил ли тогда Выготский Леонтьеву — впрочем, Леонтьев и не просил об ответе. Но в архиве А.Н. Леонтьева сохранилось письмо Выготского, датированное 7 августа 1933 года. Оно заслуживает того, чтобы привести его полностью:

Дорогой Алексей Николаевич!

Все думал переслать письмо через А[лександра] Р[омановича], но перед его отъездом мы не встретились, отсюда запоздание. Я чувствую уже не первый раз, что мы как будто стоим перед каким-то очень важным разговором, к которо-

¹⁶ На том стою (нем.) — знаменитый афоризм Мартина Лютера.

¹⁷ М.С. Лебединский — психиатр, одно время работавший вместе с А.Р. Лурия, приглашённый в Харьков вместе с Выготским, Леонтьевым и Лурия и проработавший там ряд лет.

¹⁵ По всей видимости, имеется в виду теория и практика трудового обучения и воспитания, набиравшая силу в советской педагогике.

му еще, видимо, оба не готовы и потому плохо представляем себе, в чем он должен состоять. Но зарницы его уже были много раз и в последнем письме твоём – тоже, поэтому не могу не откликнуться на него такой же зарницей, чем-то вроде предчувствий (смутных) будущего разговора.

Твоя внешняя судьба решается, видимо, осенью – на ряд лет. Вместе с тем – и наша (и моя) судьба отчасти, судьба нашего дела. Как бы субъективно ты ни переживал “изгнание” в Харьков, какими бы радостями оно ни окупилось (в прошлом и еще больше в будущем), твой окончательный отъезд – объективно, по своему внутреннему смыслу – наша внутренняя, тяжелая, м[ожет] б[ыть], непоправимая неудача, вытекающая из наших заблуждений и прямого небрежения к делу, которое нам поручено. По-видимому, второй раз ни в твоей биографии, ни в моей не повторится, что один раз свершилось, и в истории нашей психологии тоже. Что ж, я стараюсь все это принять по-спиновски – с горем, но как необходимое. В мыслях с собой исхожу из этого, как из факта, уже случившегося.

Внутренняя судьба не может не решаться в связи с внешней, но, конечно, не определяется ею всецело. Потому-то она мне неясна, в тумане, смутно видится мне – и тревожит самой большой тревогой, какую я переживал за последние годы.

Но раз твоя внутренняя позиция, как ты пишешь, в личностно-научном плане откристаллизовалась, значит, и внешнее решение до известной степени предопределено. Ты прав, что от необходимости вести себя двойственно надо избавиться раньше всего. Можно было сделать это – с помощью “абстрагирования” (по-харьковски) или расщепления (по-московски) – независимо от внешних условий кого-либо из нас. Поэтому я считаю это правильным, несмотря на то, что иначе оцениваю все, что произошло с А[лександром] Р[омановичем] (не в благополучном плане). Но об этом как-нибудь особо.

Знаю и считаю верным, что ты внутренне в два года проделал путь (окончательный) к зрелости. Желаю тебе от души, как пожелал бы счастья в решительную минуту самому близкому человеку, – сил, мужества и ясности духа перед решением своей жизненной линии. Главное: решай – *свободно*.

Твое письмо оборвано на этом, оборву на этом и я свое, правда, без внешнего повода.

Крепко-крепко жму твою руку,

Всей душой твой Л.Выготский.

P.S. Не знаю, приеду ли в Тарусу. Сделаю это только в том случае, если разговор наш созреет, и решусь дать ему исход. Иначе – зачем ездить? Привет М[аргарите] П[етровне]¹⁸ и А[лександру] Р[омановичу] с женой.

Содержание этого письма Выготского наводит на мысль, что оно представляет собой ответ на письмо Леонтьева, опубликованное выше. Этому отчасти противоречит большой разрыв во времени между двумя письмами; нельзя исключить ошибочность датировки либо письма Леонтьева (т.е. оно относится к февралю не 1932, а 1933 г., что мало вероятно), либо письма Выготского (и тогда оно относится к 1932 г., что несколько более вероятно).

К весне 1934 г. относится, вероятнее всего, сохранившаяся чудом открытка Выготского. Дата на ней неразборчива, так как она вообще в очень плохом состоянии. В тексте же читаем: “Пока хотел бы двигаться в том направлении, о котором мы сговорились с тобою, твердо ведя внутреннюю линию на полное смыкание наших исследо-

ваний”. Мы датируем эту открытку именно весной 1934 г., потому что в ней Выготский, в частности, спрашивает у Леонтьева о судьбе тезисов на съезд (имеется в виду явно I Всеукраинский съезд по психоневрологии в июне 1934 г., на который Лев Семенович посылал тезисы “Психология и учение о локализации психических функций”).

Сохранилось письмо Маргариты Петровны Алексею Николаевичу от 23 марта 1934 г. Из него видно, что Выготский был намерен пригласить Алексея Николаевича в свой отдел: Маргарита Петровна рассказывает о телефонном разговоре с Лурия, который сообщил, что “сегодня выясняется с базой для ВИЭМа, а вторым вопросом стоишь ты. Выготский ему сказал, что ты ему нужен был бы сейчас, но раз не вышло сейчас, надо тебя брать из других дверей”. И действительно: 13 апреля 1934 г. руководство ВИЭМ (Всесоюзный институт экспериментальной медицины) посылает во Всеукраинский институт научной педагогики бумагу с просьбой не препятствовать переходу Алексея Николаевича на работу в ВИЭМ. Она начинается так: “Ввиду привлечения проф. А.Н. Леонтьева к работе в Психологическом отделе Московского филиала ВИЭМ в качестве заместителя зав. отделом...”.

После отъезда Алексея Николаевича произошло следующее. Лурия в течение трех лет, до 1934 г., бывал в Харькове наездами – по его собственным воспоминаниям, “курсировал” между Харьковом и Москвой (а Выготский – между Харьковом, Ленинградом и Москвой). Недолго пробыла в Харькове и Л.И. Божович – вскоре она переехала в соседнюю Полтаву, в пединститут, хотя продолжала постоянно сотрудничать с “харьковчанами”. Время от времени к ней в Полтаву наезжал и Выготский.

Леонтьев остался в Харькове почти на пять лет. Он не только возглавлял отдел и был действительным членом Украинской психоневрологической академии, но и – после окончательного отъезда Лурия – принял у него руководство всем сектором психологии (еще раньше, в 1932 г., он был заместителем заведующего сектором). Кроме того, он был заведующим кафедрой психологии Медико-педагогического института Наркомздрава Украины, а позже заведующим кафедрой психологии Харьковского педагогического института и НИИ педагогики (позже – Всеукраинский Институт научной педагогики).

Таким образом, из публикуемых здесь писем А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского, а также из дальнейшего развития событий следует со всей очевидностью, что отъезд Леонтьева в Харьков не был разрывом с Выготским. Во-первых, Леонтьев ехал, чтобы заниматься именно развитием культурной психологии, что было сложно делать

¹⁸ М.П. Леонтьева – жена А.Н. Леонтьева.

в Москве. Во-вторых, Выготский и Лурия также получили приглашения на работу в Харьков и одновременно с Леонтьевым начали там работать, хотя не столь решительно, как Леонтьев: не “вина” последнего, что именно он оказался в положении единственного реального лидера Харьковской группы, и что только в Харькове с его помощью сложился сильный коллектив единомышленников, взявших идеи культурно-исторической психологии на вооружение, а в Москве (или где-либо еще) такого коллектива не возникло. В-третьих,

на фоне идейного кризиса Выготский сам дистанцировался от содержательного общения, что подтолкнуло Леонтьева к принятию самостоятельных решений, но отнюдь не к какому-либо изменению научных воззрений и человеческих отношений. В-четвертых, отъезд Леонтьева не был теоретическим расколом – ни малейшего намека на это нет в тексте письма, и позднейшие письма и действия Выготского служат этому недвусмысленным подтверждением, заодно опровергая и миф об “измене” и “не восстановившихся отношениях”.

А.Н. ЛЕОНТЬЕВ И ЕГО ВРЕМЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ*

© 2003 г. Е. Е. Соколова

Канд. психол. наук, доцент, кафедра общей психологии, МГУ, Москва

Предлагаемые вниманию читателя заметки не являются в собственном смысле статьей, решающей какую-либо научную проблему. Это объединенные в более или менее связанное целое фрагменты воспоминаний об Алексее Николаевиче Леонтьеве людей, которые имели возможность общаться с ним, видеть и слышать его в аудиториях и кабинетах и даже сотрудничать с ним во вторую половину его жизни, – словом, очевидцев¹. Как и все мемуары, эти воспоминания достаточно субъективны, поэтому цель представленной работы – вовлечение их в своеобразный диалог друг с другом, ведь именно на пересечении различных “субъективных правд” и возможно достижение более или менее объективной исторической истины. Впрочем, я не следую модной тенденции современной мемуаристики “свергать кумиров с пьедестала”. В представлении “психологического портрета” А.Н. Леонтьева я опираюсь на воспоминания тех, кто, не всегда относясь к нему однозначно, любил или просто уважал его.

Публикуемый текст обращен прежде всего к начинающим психологам, которые знакомы с творчеством А.Н. Леонтьева лишь по его работам, трудным, по мнению многих, для понимания и изложения. Возможно, предлагаемые воспоми-

нания более старших коллег помогут молодым психологам глубже проникнуть в тайны этих трудов, созданных в весьма нелегкий период истории нашей страны.

Как это ни странно для меня (ведь всегда хочется быть моложе, чем на самом деле), но я тоже отношусь к очевидцам. Правда, мои воспоминания ограничены отдельными эпизодами встреч с А.Н. Леонтьевым как студентки первого и второго курсов, которая еще очень мало понимала в психологии вообще и в творчестве Леонтьева в частности. Я поступила на дневное отделение факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 1976 г. и, к моему большому сожалению, не слушала курса лекций Леонтьева по общей психологии (последние в своей жизни лекции он читал студентам, старшим нас на год). Тем не менее, отдельные его выступления, на которых я побывала, запечатлелись в моей памяти и в конспектах, которые я, прилежная студентка, вела практически стенографически. Но самая первая встреча с Леонтьевым произошла еще раньше: перед началом нашего первого учебного года он как декан факультета психологии МГУ вручал нам студенческие билеты. Мы, вчерашние абитуриенты, сидели в самой большой аудитории (тогда 51, сейчас 310) здания факультета психологии на проспекте Маркса (ныне ул. Моховая), нас по очереди вызывали к столу, и Алексей Николаевич каждому вручал его студенческий, крепко пожимая руку и говоря пару напутственных слов. Многие из знавших его отмечали в разных воспоминаниях, что в его внешности было нечто демоническое, мефистофельское. Он был всегда худощав и немного сутул, с густыми, тщательно зачесанными темными волосами с небольшой сединой. По мнению Артура Владимировича Петровского, он бы мог без грима играть Воланда из “Мастера и Маргариты”; по его же воспоминаниям, когда Леонтьев

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 02-06-00382а).

¹ Представленные в тексте фрагменты взяты из проведенных в 2002 г. интервью с использованием звукозаписывающей техники и видеокамеры в рамках исследовательского проекта, имеющего своей целью создание и обработку материалов “устной истории” школы А.Н. Леонтьева (руководитель проекта – Е.Е. Соколова, исполнители – Е.А. Загряжская и А.А. Яковлева). Материалы всех интервью пока еще не расшифрованы и будут использованы в последующих публикациях в рамках указанного проекта. Пользуясь случаем, хочется поблагодарить всех давших нам интервью – и тех, чьи высказывания приводятся в публикуемом тексте, и тех, чьи интервью будут еще использованы впоследствии.